

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

**Песенный фольклор:
тексты, традиция, современность**

Материалы круглого стола
(Москва, РГГУ, 10 ноября 2022 г.)

Москва
2022

УДК 398.8

ББК 82

П 28

Составители и редакторы:

С.Ю. Неклюдов,

В.А. Воробьев,

Я.А. Савицкая

П 28

Песенный фольклор: тексты, традиция, современность: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 10 ноября 2022 г.) / сост.: С.Ю. Неклюдов, В.А. Воробьев, Я.А. Савицкая. М.: РГГУ, 2022. 30 с.

© Коллектив авторов, 2022

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Содержание

<i>Белодедова М. Г.</i> Связь колыбельных песен и заговоров (на материале экспедиций Лаборатории Фольклористики РГГУ).....	4
<i>Воробьев В. А.</i> Проблемы составления указателя топосов русской студенческой песни XIX века	7
<i>Закревская Е. А.</i> Фольклор, стилизация и псевдофольклор: анализ тематического разнообразия частушек в Интернете и их прагматики	11
<i>Козлова И. В., Левочская Е. Ф.</i> «Для меня странно, что эти песни стали протестными, но это так»: как песни могут менять значение, попадая в новый контекст	14
<i>Новикова В. Б.</i> Проблема систематизации частушек: теги	16
<i>Новикова В. Б., Тихонова М. А.</i> Квантитативный анализ частушек с использованием пакета Stylo для R	20
<i>Рыженко А. А.</i> Поэтика бардовской песни (случай Тимура Муцураева)	28

**Связь колыбельных песен и заговоров
(на материале экспедиций Лаборатории Фольклористики РГГУ)***

Несмотря на высокую популярность колыбельных песен в среде исследователей, некоторые аспекты изучения этого жанра остаются неисследованными. Взаимосвязь колыбельных и заговоров хоть и кажется очевидной, однако вызывает ряд проблемных вопросов. Связь заговоров и колыбельных песен рассматривал В. Головин в своей диссертации «Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе», где он представил ряд сходств и отличий колыбельных и заговоров.

Сходства, которые выделил В. Головин — это функциональные пересечения в охранительной и прогностической функциях, которые свойственны колыбельным и заговорам [Головин 2000: 91-94]. К отличиям можно отнести ограниченность ряда демонологических персонажей, присутствующих в колыбельных песнях. Они не могут соответствовать персонажам заговорной традиции, так как опасны для младенца, потому что он находится в иминальном состоянии [Головин 2000: 219-220].

Проблему связи заговоров и колыбельных изучала В. Еремина [Еремина 1992], но только на сюжетно ограниченном ряду текстов, так называемых «смертных» колыбельных, призывающих смерть или описывающих похороны младенца. В. Ерёмину рассматривала их связь с лечебными заговорами и славянскими обрядами имитации похорон.

Описанием персонажей колыбельных песен Русского Севера занималась Л. Хафизова в своей дипломной работе «Колыбельные песни. Структура и семантика» [Хафизова 1998] и статье «Персонажи колыбельных Русского Севера» [Хафизова 1999]. Л. Хафизова разделила персонажей севернорусской традиции колыбельных на четыре группы: представители животного мира (кот, зайка и т.д.), христианские образы (Богородица, ангелы и т.д.), близкие ребенку люди (родители, члены семьи) и персонификация идеи сна (Сон, Угомон). Вопросом персонажей колыбельных песен занимался также и В. Головин в уже названной работе, но свои выводы он базировал на более обширном полевым материале.

В исследовании связи заговоров и колыбельных песен мне кажется важным более детальное изучение персонажей, выделение функций колыбельных песен и сравнение коммуникативных ситуаций в момент исполнения. Первоочередной задачей исследования я ижу понимание функций колыбельных песен, на основе которых можно проследить связь колыбельных с заговорной традицией. Эта связь базируется на общей для них функции программирования реальности. Кроме того, важным было выявить аспекты описания внешнего мира в колыбельных, а также определить агентов коммуникации вне текста. Исследование проводилось на материале, собранном в разных районах Архангельской области экспедициями

Лаборатории Фольклористики РГГУ (1992 — н.в., руководитель А.Б. Мороз) и хранящемся в архиве лаборатории.

Источником связи заговоров и колыбельных песен можно считать их функциональную близость. Оба жанра направлены прежде всего на программирование реальности и конструирование будущего. В колыбельных конструируется безбедное будущее младенца, встроенность в социум, хорошее здоровье и, что очень важно, развитие и рост ребенка. Колыбельная песня и заговор, таким образом, предполагают реальное воздействие на адресата текста. Если для заговора спектр таких воздействий практически не ограничен, благодаря универсальным заговорным формулам, то для колыбельной он сужен до ряда основных функций: усыпления, защиты сна, обозначения «своего» пространства, роста и здоровья, конструирования будущего.

Еще В. Головин отмечал функциональную схожесть колыбельных песен с оберегами — и те, и другие, по его мнению, выполняют охранительную функцию и прогностику будущего благополучия [Головин 2000: 101]. В этом контексте можно особо отметить обереги, читаемые на сон, поскольку они наиболее близки колыбельным с функциональной точки зрения. Для оберегов свойственно обращение с просьбой о защите к Богу, Богородице, ангелам — такие просьбы содержатся и в некоторых колыбельных песнях в формульном виде (в основном, они адресуются Богородице). Однако в колыбельных песнях к обережным формулам добавляются просьбы «усыпить» или констатация усыпления. Заговоры и колыбельные объединяет также наличие как обращений, просьб к Богородице, так и утверждений, описаний того, что они могут сделать.

Агентностью в колыбельных песнях обладают как младенец, адресат текста, так и тот, кто исполняет песню, зачастую мать или бабушка ребенка. Младенец остается пассивным получателем смыслов и функций, заложенных в колыбельную, тогда как на исполнителя песни возложена ответственность не только усыпить, убаюкать его¹, но и защитить его сон. В колыбельных часто можно встретить призыв помощников в убаюкивании, таких как, например, Богородица или кот, а также формулы устрашения или изгнания вредителей — Буки, Бабая и .д. В зону ответственности поющего песню попадают цели — утвердить будущее ребенка² и ознакомить его с окружающим миром³. Кроме того, в текстах колыбельных, как и заговорах, агентность получает некая третья сила, которая и производит влияние на адресата (охраняет, обеспечивает его рост и здоровье, укачивает).

1 Важно помнить, что от сна зависят его будущие здоровье, красота и встраивание в существующий социум.

2 Для этого используются формулы конструирования будущего.

3 При помощи формул обозначения «своего» пространства.

Литература:

Агапкина 2006 — *Агапкина Т.А.* Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. М.: Издательство «Индрик», 2006. С. 10-124.

Виноградова 1993 — *Виноградова Л.Н.* Заговорные формулы от детской бессонницы как тексты коммуникативного типа // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М.: Наука, 1993. С. 153-164.

Головин 2000 — *Головин В.В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.

Еремина 1992 — *Еремина В.И.* Заговорные колыбельные песни // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: «Наука», 1992. С. 29-35.

Хафизова 1999 — *Хафизова Л.Р.* Персонажи колыбельных Русского Севера // Живая старина. 1999. №1. С. 19-21.

Хафизова 1998 — *Хафизова Л.Р.* Дипломная работа: Колыбельные песни. Структура и семантика (на русском материале). М.: 1998. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/LILIA.htm>

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

Проблемы составления указателя топосов русской студенческой песни XIX века*

Студенческая песня XIX века — конгломерат текстов, разных по происхождению, но бытовавших в сообществе студентов того времени, что устанавливается по источникам различного происхождения: песенникам, опубликованным собраниям, материалам личных и государственных архивов. Большинство песен объединяются по содержанию и дают возможность составить каталог-указатель содержательных единиц (топосов) студенческой песни.

В докладе я расскажу об опыте составления указателя по собранному мной корпусу, насчитывающему около 250 текстов русской студенческой песни XIX века. Выявленные в ходе работы топосы, образуют содержательное натяжение студенческой песни. Описание топосов включает метаязык и язык текстов песен, поэтому их формулировка будет включать прямые цитаты из песен¹. Основные топосы, выявленные сейчас: 1) пьянство студентов; 2) любовь к девушке; 3) корпоративность студенчества; 4) пение студентов; 5) демонстрация маскулинности (бахвальство студентов); 6) отказ от обучения / его неприятие; 7) взаимодействие с работниками университета; 8) братственность студентов; 9) дружба студентов; 10) исключительность студенческого сообщества; 11) главный враг студента — ход времени; 12) главный враг студента — смерть.

Выделенные топосы в некоторых текстах образуют содержательную модель студенческой песни по принципу S—O—P²: ‘лирический герой временно побеждает горести, неизбежный ход времени и предстоящую смерть через разгульный образ жизни’. Субъектом оказывается обобщенный лирический герой — студенты или студент. Через предикаты описывается разгульный образ жизни, переведу их в субстантивы: пьянство, любовь к девушкам, бахвальство статусом студента и демонстрация «маскулинности»³. Важным оказывается и выделение своего рода антагонистов «веселого образа жизни». Это прежде всего горести (уход девушки, предательство друзей), ход времени, энтропия и смерть.

В своем понимании топоса я придерживаюсь (с незначительными отклонениями) определения, предложенного Э.Р. Курциусом [Curtius 1953], «согласно которому, топосы («общие места») — это прочные клише, мыслительные и эмоциональные схемы, воплощенные как в формулах, фразах, оборотах, ... так и в традиционных мотивах (т.е. речь опять-таки идет и о содержательном, и о стилистическом аспекте). По Курциусу, «общие места» ... благодаря своей относительно малой изменчивости и принципиальной повторяемости доходят

1 Такие фрагменты я выделяю курсивом.

2 Субъект — объект — предикат.

3 Драки, показное ухаживание, деструктивное поведение и т.п.

до нашего времени от античной эпохи через средневековую латинскую риторику и различные языковые формы, продолжая активно использоваться в текстах» [Неклюдов 2004]. Важным здесь оказывается, что топос объединяет в себе часто противоречивое понимание мотива и стилистические аспекты текстов, что позволяет рассматривать содержание текста, при необходимости привлекая и стилистику текста.

Терминологически близким для этой работы был термин «формула и ее варианты» Г.И. Мальцева [Мальцев 1989: 3-36]. Однако, для него очень важна эстетика формулы и менно формализация текстовых выражений, тогда как для меня важнее содержательно-тематический компонент песенного текста, поэтому понятие формулы я не использую. В морфологических таблицах с мотивно-тематическими единицами, которые предлагают С.Б. Адоньева и М. Герасимова, я нахожу важный опыт работы с текстами городских песен [Адоньева, Герасимова 1996: 366-370]. Но топика является более универсальным инструментом для описания текстов студенческой песни из-за определенной свободы термина.

Проблема системного описания городской песни поднималась давно. А. С. Башарин, как мне кажется, очень верно отмечает, что для наиболее полного описания городской песни требуется чётко очерчивать границы конкретного жанрового образования, чтобы создать приемлемую систему для его описания [Башарин 2001]. Для тюремной песни, о которой пишет Башарин, нужна одна система, а для студенческой песни другая.

Я понимаю топос как устойчивый содержательно-тематический элемент, который может варьироваться в каждом отдельно взятом тексте и является инвариантной основой для определенных групп текстов. Топика — это набор топосов, которые характеризуют содержательное наполнение определенных текстов.

При описании топосов я использую прежде всего метаязык, он позволяет в общем виде корректнее описать топику студенческой песни, но я обращаюсь и к языку самих песен, особенно это касается вариантов того или иного топоса. Такой подход представляется наиболее корректным по ряду причин: 1) с помощью метаязыка можно довольно точно описать расплывчатые по семантике фрагменты естественного языка; 2) метаязык в определенных случаях помогает расшифровать несколько устаревшую семантику русских студенческих песен XIX века; 3) метаязык позволяет корректно описать уровни текста студенческой песни — основные топосы и их вариации, то есть довольно хорошо укладывается в двухступенчатую структуру и легко воплощается в указателе топосов. Под двухступенчатой структурой здесь я имею в виду основной топос — признак или действие в самом общем виде, и вариацию топоса — конкретное воплощение действия или признака в определенном тексте.

Комбинация топосов и их вариаций позволяет понять структурные элементы русской студенческой песни XIX века. Указатель топосов сделан по следующему принципу: верхний уровень — основной топос, обозначается римской цифрой; нижний уровень — вариации

топоса, обозначается кириллическими буквами и арабскими цифрами. Ниже дан один из фрагментов указателя.

I. Пьянство студентов

I.V. Студенты пьют из-за N-причины

I.V.1. Из-за горьких дум

I.V.2. *Устав от жизни и любви*

I.V.3. В том месте, где можно говорить правду

I.V.4. С горя и тоски

Во многом принципы соответствуют недавним указателям [см.: Мороз, Петров 2020], а также частично опираются на работы [Вежбицкая 1999]. В приведенном фрагменте указателя представлена трехступенчатая структура и видно как сочетаются метаязык и естественный язык.

На данный момент указатель состоит из 12 основных топосов и большого количества их вариаций. Цепочки из топосов позволяют описать значительную часть корпуса студенческой песни XIX века, исключение составляют лишь песни, которые можно отнести к категориям обрядовых и городских песен, несколько таких текстов бытовали в студенческих репертуарах.

Серьезной проблемой при составлении указателя стала визуализация. Практика ставить номера текстов после топосов, которые встречаются в них, приведет к неизбежному утяжелению указателя. Один из возможных способов — сведение корпуса текстов с указателем в аблицу, где в первой графе были бы тексты, а во второй цепочки из вариаций топосов, которые составляют эту песню. Вопрос визуализации пока остается открытым, после его решения указатель можно будет опубликовать⁴.

4 Публикация указателя предполагается на сайте ЦТСФ в разделе «Указатели»: <https://ctsf.ru/ukazateli>

Литература:

Адоньева, Герасимова 1996 — Русская баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. 415 с.

Башарин 2001 — *Башарин А.С.* Проблемы составления мотивно-тематического указателя современного городского песенного фольклора (Еще раз о морфологии жестокого романса, новой баллады и городской песни. Проект доклада). М., 2001. URL : <https://ruthenia.ru/folklore/basharin5.htm>

Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.

Мальцев 1989 — *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Ленинград: Наука, 1989. 165 с.

Мороз, Петров 2020 — Указатель мотивов к публикуемым текстам / *А.Б. Мороз, Н.В. Петров* // Знатки, ведуньи и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М. : Неолит, 2020. 528 с.

Неклюдов 2004 — *Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996). М.: Индрик, 2004. С. 236-247.

Curtius 1953 — *Curtius E.R.* (1953). European literature and the latin middle ages. New York: Harper & Row, publishers. 658 p.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

**Фольклор, стилизация и псевдофольклор:
анализ тематического разнообразия частушек в Интернете и их прагматики***

Частушка считается единственным «живым» и активно бытующим в наши дни жанром традиционного фольклора. Ее устойчивая легко воспроизводимая форма позволяет ей бытовать не только в своем первоначальном виде, но и в Интернете, на ТВ, в конкурсах и художественной самодеятельности [Тубалова 2011: 53]. Исследователи признают, что интернет-частушка значительно отличается от традиционной устной [Тубалова 2011: 55], однако, несмотря на формальные отличия, всетаки считают ее полноправным фольклорным жанром. Эта уверенность кажется мне не совсем обоснованной. В докладе я расскажу о тематическом разнообразии и содержательном составе интернет-частушек, способах их бытования, а также о том, можно ли считать их фольклором. Материалами исследования стали 58 страниц с подборками частушек и 25 единичных частушек, найденных в комментариях и постах в социальных сетях (ВКонтакте, Живой журнал и т.д.)

Частушки, размещаемые в Интернете, имеют ряд общих особенностей, отличающих их от традиционных устных частушек. Они ориентированы на чтение, а не на произнесение, и часто включают в себя сложные для произношения или нарушающие размер стиха аббревиатуры, заимствования или неологизмы [Тубалова 2011: 55]. Кроме того, им свойственна игра с заимствованиями и смешение с другими типами коротких стихотворений. Произошедшая еще в начале XX в. смычка с куплетами сохраняется и в письменной традиции; кроме того, происходит «соединение» с садистским стишком [Петрова 2009], с пирожками и порошками — короткими, как правило, ироничными и абсурдными стишками, появившимися в эпоху интернет-фольклора [Петренко 2014]. Стихотворный размер частушки, таким образом, размывается. «Настоящие» частушки сохраняются, но бытуют вместе с другими короткими текстами. Иногда в подборках «частушек» можно найти тексты, формально не имеющие к частушкам никакого отношения и являющиеся просто короткими стихотворениями. Иными словами, для того, чтобы текст был выложен на страницу с частушками, нужно только, чтобы его автор или составитель подборки посчитал текст частушкой.

Тематически интернет-частушки можно разделить на несколько групп: частушки о политике, озорные стишки о работе и семейной жизни, детские частушки. Поисковая система «Яндекс»¹ предлагает продолжить запрос «частушки» вариантами «про Путина»,

¹ Известно, что поисковые подсказки основываются в первую очередь на наиболее популярных запросах. После того, как пользователь делает некоторое количество запросов, выдающих интерес к какой-либо теме, алгоритмы начинают подстраиваться под него и делать подсказки таргетированными. Зная эту особенность, я привожу те варианты поисковых подсказок, которые «Яндекс» предлагал мне в первый день работы над этой темой, когда мой интерес к частушкам еще не отразился в истории поиска. Подробнее о механизмах работы подсказок можно прочитать здесь: <https://yandex.ru/blog/company/84816>

«про Путина и Медведева», «про коронавирус», «про ковид»², «про евреев», «про выборы», «про Великую Отечественную войну». Запрос «частушки о» предлагается продолжать следующим образом: «о России», «о Путине», «о политике», «о Родине». Кроме того, популярны «частушки о работе» / «частушки для корпоратива», «народные частушки» / «русские частушки», «частушки с матом» и «частушки про пенсию». Остальные популярные варианты предназначены для детей — поисковик предлагает частушки о маме, о школе, о дружбе, о спорте, про Новый Год, про учителей.

На вопрос о том, являются ли эти тексты фольклорными, сложно ответить однозначно. Мне кажется, степень их фольклорности можно представить в виде спектра. На одном его конце находятся стилизации, в особенности это касается так называемых подборок, которые на самом деле являются не подборками, а полноценными стихотворениями с развернутым сюжетом. Псевдофольклорный размер и стилистика, а также хулиганская лексика и ритический настрой — единственное, что роднит эти тексты с частушками. Такие стихи часто дополняются картинками, а в некоторых случаях даже музыкой. На другой стороне спектра находятся тексты, которые существуют в формате импровизированного интернет-агона: пользователи спонтанно создают их в момент коммуникации как ответ на предыдущую частушку или на предложение написать частушку. Главная функция этих текстов авторами мыслится не как эстетическая, а как коммуникативная. Между этими полюсами находится множество текстов, которые не создаются спонтанно, но являются реакцией на актуальные события и попыткой их осмыслить³, их репостят с разной степенью активности. Можно предположить, что авторы интернет-частушек знакомы с советскими политическими или озорными сельскими частушками и создают свои тексты, опираясь на заданные этим контекстом представления о частушках. Причисление текста к частушкам как бы «легитимирует» грубый юмор, обценную лексику и подчеркнутую критичность к персонажам и событиям, о которых идет речь.

Однако, такие представления о частушках — не единственное, что задает стилистические рамки для авторов Интернет-частушек в наши дни. Другим «фреймом», в котором мыслятся частушки, является идеализированное «лубочное» представление о фольклоре как об источнике нравственности и трансляторе народной культуры. Так появляются детские или патриотические частушки, а также частушки на подчеркнута фольклорную тематику — о деревне, о природе, о традиционном обществе.

2 Тему коронавируса я отношу к политическим, так как обсуждается в этих текстах, очевидно, не сам вирус, а его социальные последствия, в том числе меры, принятые государством в связи с пандемией: самоизоляция, вакцинация, введение qr-кодов и т.д.

3 Их прагматика, таким образом, сближается с прагматикой традиционной частушки.

Литература:

Тубалова 2011 — *Тубалова И.В.* Современная письменная частушка: новая художественная форма в современной культурной парадигме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. №4. С. 50-58.

Петренко 2014 — *Петренко С.Н.* Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ. 2014. №7 (92). С. 129-135.

Петрова 2009 — *Петрова А.А.* Частушка и садистский стишок: память жанра. Вербальное, виртуальное, визуальное // Антропологический форум. 2009. №11. С. 408-424.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

Козлова Ирина Владимировна
старший научный сотрудник ЛТФ ШАГИ РАНХиГС,
Левочская Елена Федоровна
доцент ИОН РАНХиГС

**«Для меня странно, что эти песни стали протестными, но это так»:
как песни могут менять значение, попадая в новый контекст**

Когда мы говорим о песнях протеста в современной России, например, когда спрашиваем о них в интервью, обычно вспоминается либо рок-музыка перестройки («Кино», «Гражданская оборона»), либо песни рэп-исполнителей последних лет (Noize MC, «Каста»). В то же время, наблюдая публичные уличные акции последних лет, мы заметили, что там поются очень разные песни, далеко не все из которых содержат какие-то протестные высказывания. Например, одной из наиболее популярных песен уличного протеста, по нашим наблюдениям 2015-2022 годов, стал официальный гимн Российской Федерации¹. Казалось бы, текст не только не содержит никакого протестного посыла, но подчеркивает «верность отчизне», демонстрирует гордость за свою страну. Кроме того, мы не раз слышали на акциях протеста детские песни, например, в 2021 году в Санкт-Петербурге и Москве пели «Ничего на свете лучше нету»² и «Прекрасное далеко»³, а в апреле 2022 года женщину в Ижевске оштрафовали за исполнение песни «Пусть всегда будет солнце»⁴. Конечно, детские песни на митингах поют реже, чем «Перемен»⁵, но чаще, чем большинство из современных песен, называемых в интервью.

Надо сказать, что живое пение песен на митингах может быть трех типов: 1) пение со сцены, когда поют профессиональные музыканты, а остальные слушают и могут подпевать, такое бывает только на согласованных митингах; 2) организованное хоровое пение участников, когда организаторы раздают листы с текстами песен, которые предполагается исполнить коллективно, такое чаще всего тоже бывает на согласованных митингах или шествиях; 3) спонтанное хоровое пение участников, которое бывает обычно на несогласованных акциях протеста. Эти три типа пения показывают разную степень вовлеченности участников: в первом случае мы имеем дело с презентационным стилем исполнения (где есть исполнители и слушатели), во втором с более партисипативным (петь могут все, но выбор песен определяется организаторами), в третьем с максимально партисипативным, где нет границы между слушателями и исполнителями, организаторами и участниками. Важно, что и гимн России, и детские песни поются на несогласованных митингах, всегда спонтанно, то есть это максимально партисипативное пение.

1 Композитор — Александр Александров, автор текста — Сергей Михалков.

2 Заглавная песня из мультфильма «Бременские музыканты» (1969). Композитор — Геннадий Гладков, автор текста — Юрий Энтин.

3 Заглавная песня из кинофильма «Гостья из будущего» (1985). Композитор — Евгений Крылатов, автор текста — Юрий Энтин.

4 Композитор — Аркадий Островский, автор текста — Лев Ошанин.

5 Песня группы «Кино».

При этом гимн России нередко исполняется со сцены на проправительственных митингах. То есть он существует в двух противоположных крайних точках: или на акции в поддержку действующей власти со сцены, или на протестной несогласованной акции спонтанно.

По нашим наблюдениям гимн России стал активно исполняться на акциях протеста с 2017 года. До этого в социальных сетях нам встречались замечания о том, что украинцы на Майдане поют свой гимн, а российская оппозиция споет скорее украинский или американский гимн, но только не российский. В марте 2017 эта ситуация изменилась, и на акции «Он вам не Димон» мы с коллегами наблюдали пение гимна РФ и в Москве, и в Санкт-Петербурге, пела его в обеих столицах молодежь. После этого мы фиксировали гимн и на других митингах ФБК⁶. В 2018 году после акции за допуск Навального к выборам одна из Петербургских активисток «со стажем» поделилась впечатлением от этого у себя на странице в социальной сети:

«Если вы против Путина, не пойте путинский гимн. У свободной России, какой она была с 1990 г. по 2000 г. — другой гимн, “Патриотическая песнь” М. Глинки, и его замена на старый совковый — первое преступление путинизма. Поэтому нормальные люди плюются, когда его слышат в любой редакции» (Ж., 48 лет., Санкт-Петербург, 28.01.2018).

Тем не менее гимн РФ активно исполнялся в Москве и Петербурге на последующих протестных акциях с 2018 по 2021 год. Полный отказ от него произошел только в 2022 году. О причинах этого и о том, что пришло ему на смену, мы подробнее расскажем в докладе.

Не менее удивительным кажется и исполнение на акциях протеста детских песен, но в отличие от универсального гимна, который не связан напрямую с повесткой — его могут петь с равной вероятностью на акции против коррупции или на акции за допуск независимых кандидатов, детские песни обычно связаны с повесткой. Так, песня «Ничего на свете лучше нету» исполнялась только в 2021 году после фильма-расследования Навального про дворец Путина, а «Пусть всегда будет солнце» зазвучала на акциях против войны в 2022 году.

В докладе мы планируем рассмотреть контекст исполнения Российского гимна, детских песен, и других песен, не несущих в своем тексте протестного высказывания на российских уличных акциях со второй половины 2010-х годов до сегодняшнего дня. И попытаемся ответить на вопрос: почему эти песни исполнялись в тот или иной момент, для чего они были нужны? Для историко-культурного контекста мы также будем сравнивать эти песни с песнями, называемым в качестве протестных в интервью, которые могли как исполняться, так и не исполняться на улице.

Материалом доклада будут наблюдения, сделанные авторами и их коллегами по группе «Мониторинг актуального фольклора» во время протестных акций 2015-2022 годов, и интервью, записанные с участниками уличных акций в 2019-2022 годах.

6 Признан иностранным агентом.

Проблема систематизации частушек: теги*

В исследованиях частушек большое внимание уделяется проблеме систематизации текстов. Для этого выбирались различные принципы: формальный, географический, тематический, возрастной, функциональный. Но единой системы классификации жанра до сих пор разработано не было [Мешкова 2001: 102]. При сборе и классификации частушек в летних экспедициях Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ в Бирском районе республики Башкортостан (2021 — н. в.) перечисленные принципы систематизации оказываются практически неприменимы, за исключением тематического. Некоторые существующие тематические классификации частушек создавались в схожих условиях — для публикации материала. Например, в советское время разделяли частушки «о новой жизни» и «о старой жизни» [Рождественская, Жислина 1956]. Неизменно выделялась тема любви (любовные частушки, частушки о любви), как правило, к этой теме относилась большая часть материала (что наблюдается и в наших текстах).

За две экспедиции удалось собрать достаточно большое количество материала — около 370 текстов. Корпус 2022 года (239 текстов) послужил основой для разработки новой систематизации. Основной способ сбора материала в наших экспедициях — проведение глубинного интервью. Оно позволяет реконструировать контекст исполнения того или иного текста, однако не дает возможности наблюдать непосредственное его бытование, т.е. проводить включенное наблюдение во время частушечного агона или пения частушек на праздниках.

Несмотря на недостаток глубинного интервью как метода сбора, в нем обнаружилось преимущество — частушки, рассказываемые собеседником, органично вплетаются в контекст разговора. Например, собеседница жалуется на тяжелую жизнь и тут же продолжает свое повествование частушкой:

Ты, подружка, дробы бей
Разве хуже мы людей?
Мы за лето заработали
По двести трудодней [ж., 1940 г. р., Бирск].

Кажется, что эта частушка может быть отнесена к категории «частушек о новой жизни», но собеседница продолжает:

Вы потопайте, ботиночки,
Вам больше не плясать.

Выйду замуж — буду плакать,
Вы — на полочке лежать [ж., 1940 г. р., Бирск].

Здесь становится сложнее, текст описывает непривлекательность замужней жизни и позволяет отнести его к категории любовных. Он навевает собеседнице воспоминания: «Так всяко жизнь-то ведь это... складывалась. У меня неплохой муж, хороший был» [ж., 1940 г. р., Бирск]. И в подтверждение своим словам она поет частушку:

Мой вот милый — шофёр,
Я его доярочка.
Он — в мазуте, я — в молоке,
Интересна парочка [ж., 1940 г. р., Бирск].

После комментируя, что она действительно была дояркой, а муж — шофёром.

Во время глубинного интервью собеседники часто ориентируются на конкретную задачу — вспомнить и рассказать тексты песен и частушек. Важно, что между вспоминаемыми подряд текстами можно увидеть определённые связи. Эти связи могут быть образованы за счет разных языковых средств. Самая заметная связь — отдельное слово, которое тянет за собой другую частушку. Назовем ее тег первого уровня:

Жалко, жалко тех утят,
Которы в полюшко летят.
Жалко, жалко тех ребят,
Которы важно говорят [ж., 1940 г. р., Бирск].

Проводила, да и жалко,
У ворот стою, реву.
Воротися, ягодиночка,
Ещё поговорю [ж., 1940 г. р., Бирск].

Понятие тега (метки-идентификатора) очень хорошо подходит для описания такой связи: при наличии общего тега частушки становятся связанными и могут быть произнесены подряд. При расширении этой идеи становится заметно, что особенно важны случаи совпадения первых строк — часто именно по этому признаку формируются частушки-переговоры. Например, показательно, что следующие две частушки с совпадающими первыми двумя строчками воспроизводились вместе, друг за другом. Причём эти частушки, рассказанные подряд, были зафиксированы у двух разных собеседников при различных обстоятельствах записи (в глубинном интервью и во время опроса на городском рынке):

Всё бы пела, всё бы пела,
Всё бы веселилася,
Всё бы под низом лежала,
Всё бы шевелилася [ж., 1940 г. р., Бирск]; [ж., ок. 1970 г.р., Бирск].

Всё бы пела, всё бы пела,
Всё бы веселилася,
Но одно меня сгубило:
Молода влюбилася [ж., 1940 г. р., Бирск]; [ж., ок. 1970 г.р., Бирск].

Помимо самого простого случая — совпадения слов, тегами в частушках являются также имплицитные темы или предметы (их можно назвать тегами второго уровня):

Трактористы, шофера,
С вами не гуляние.
День и ночь за рулём,
Редкое свидание.

Полюбила я его,
Ой милые девчоночки.
За его за красоту,
За маленьки глазёночки.

У него [мужа] да маленькие глазёночки были дак, всё пела:

Голубые, голубые,
Даже синеватые.
Он завлёт — я полюбила,
Оба виноватые [ж., 1940 г. р., Бирск].

В этом случае связь между «шоферами» и «его» можно восстановить, зная, что муж собеседницы был шофером, в то время как связь между «глазеночками» и описанием цвета глаз считывается, исходя из самого текста частушки.

При разработке системы тегов было проделано два типа работы. Для выделения всех потенциальных тегов первого уровня брались все лемматизированные слова, входящие в частушку (глаголы в инфинитиве, прилагательные в мужском роде, существительные в именительном падеже, местоимение «я» и его форма «меня» в целях исследования были

сохранены, предлоги не брались)¹. Для создания тегов второго уровня проводился семантический анализ текста частушки. Это позволяет продемонстрировать потенциальные связи между частушками, которые могут раскрываться в различных контекстах, и избежать необходимости вводить крупные темы — они отображаются в тегах второго уровня. Например, в последней частушке тегами первого уровня будут: голубой, даже, синий, он, завлекать, я, полюбила, оба, виноватый. Тегами второго уровня: глаза, цвета, любовь, вина.

Интересным оказался тот факт, что с увеличением частотности слов падает их количество. Оказалось, что из почти тысячи слов, входящих в корпус, 600 встречается один раз. Это позволяет отметить их как потенциальные, но маловероятные теги, а также выявить самые частотные слова (встречаемые более 10 раз): «милый», «петь», «подруга», «любить», «гармонист», «ой», «ходить», «идти», «Семеновна», «стоять», «говорить». Любопытно отметить, что традиционно выделяемые циклы частушек про любовь, гармониста и Семеновну находятся в наиболее частотной группе, в то время как самые частотные глаголы не привлекали внимания исследователей. Самым плодотворным кажется анализ частушек, содержащих слова-теги средней частотности, от 2 до 10 (370 слов). Это трудно выделяемые группы частушек, но наличие связи между группами позволяет обратить внимание на связь между текстами.

Сделанные наблюдения и возможности сайтов позволяют разработать систему публикации материала с учетом содержащихся в текстах тегов первого и второго уровней², а также сузить широкую тематическую классификацию, которая часто не обеспечивает удобной систематизации материала.

Литература:

Мешкова 2001 — Мешкова О.В. О классификации частушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. №1. С. 102-109.

Русские частушки 1956 — Русские частушки / [Предисл. и отбор текстов Н.И. Рождественской, С.С. Жислиной]. Москва: Гослитиздат, 1956. 495 с.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

1 Отказ от учета самой формы слова продиктован возможностями поиска: если необходимо найти частушки, которые совпадают именно по словоформе — это можно сделать обычным поиском.

2 Оставив неактивными теги, которые больше не встречаются в этом корпусе для дальнейшей работы при расширении корпуса.

Новикова Виктория Борисовна
выпускник ЦТСФ РГГУ,
Тихонова Маргарита Александровна
магистрант ЦТСФ РГГУ

Квантитативный анализ частушек с использованием пакета Stylo для R*

Частушку можно назвать одной из самых устойчивых форм традиционного русского фольклора — активное бытование текстов этого жанра сегодня можно наблюдать не только в деревне [Мухортых 2021] или городе [Воробьев 2022], но и в огромном количестве в Интернете [Петрова 2009]. В современной фольклористике проблема классификации частушек стоит достаточно остро. Ни одна из множества существующих типологий (обзор основных см. [Мешкова 2001]) не может адекватно описать ни накопленный за годы полевой работы архивный материал, ни тем более актуальные явления в бытовании этого жанра. Основные сложности, возникающие при классификации частушек: невозможность выбора исчерпывающего основания¹ и недостаточная разработанность метаязыка для описания².

На наш взгляд, перечисленные проблемы возникают из-за стремления исследователей отразить содержательную сущность текстов³. Однако, для описания фольклорного текста не менее важной оказывается структура. Наше экспериментальное исследование является попыткой выявить структуру частушек с помощью компьютерных технологий и классифицировать их на этом основании.

Для решения этой задачи мы использовали программный пакет Stylo для языка программирования R [Eder 2016]. Работа пакета основана на методе Delta, с помощью которого можно измерить стилистическую близость текстов, основываясь на частотных списках слов каждого из них⁴. Как показывает один из разработчиков пакета Stylo, результат атрибуции текстов может считаться «надёжным» лишь для корпуса, каждый текст в котором содержит минимум 2000 слов [Eder 2017]. Однако, если перед исследователем не стоит задача установить авторство, параметром длины текста можно пренебречь. Например, на материале русских рассказов первой трети XX века метод Delta успешно применялся для «датировки» текста [Турьгина 2020], при этом самый короткий текст выборки составлял всего 212 слов. Поэтому исследование структуры частушки методом частотного анализа представляется нам не только возможным, но и достаточно перспективным. Форма и краткость текстов жанра оказываются преимуществами при частотном анализе, формируя корпус текстов одного размера, позволяя избежать сэмплирования и усреднения данных.

1 Для одного корпуса текстов наиболее релевантным может быть тематический принцип объединения, а для другого — функциональный.

2 Следствием этой проблемы является, например, смешение эмных и этных терминов при описании жанра.

3 Поэтому многие попытки описания и классификации частушек строятся на тематических основаниях.

4 Более подробно суть метода описана у [Burrows 2002], на русском языке — [Скоринкин 2016], [Орехов 2020: 286-287].

Материалом служит корпус из 239 текстов, собранных экспедицией ЦТСФ РГГУ в Бирском районе республики Башкортостан в июле 2022 года. Средняя длина текста составляет 10-15 слов, всего корпус содержит около 3000 слов. Мы не исключали служебные слова, так как их наличие является важной частью ритмической структуры частушки. Для частотного анализа был использован метод Classic Delta, для выделения кластеров — метод главных компонент, кластеризация текстов производилась на основании построения многомерного расстояния между словами в зависимости от их частотности [Мамаев и др. 2018: 5].

Визуализация первой итерации анализа представлена на рис. 1. Положение текста на графике отражает степень стилистической близости: чем ближе тексты расположились друг к другу, тем больше у них совпадает слов из частотного списка корпуса и тем меньше расстояние между этими словами. Соответственно, у текстов, оставшихся на периферии графика, с теми, что Stylo объединил в кластеры, совпадает наименьшее число слов.

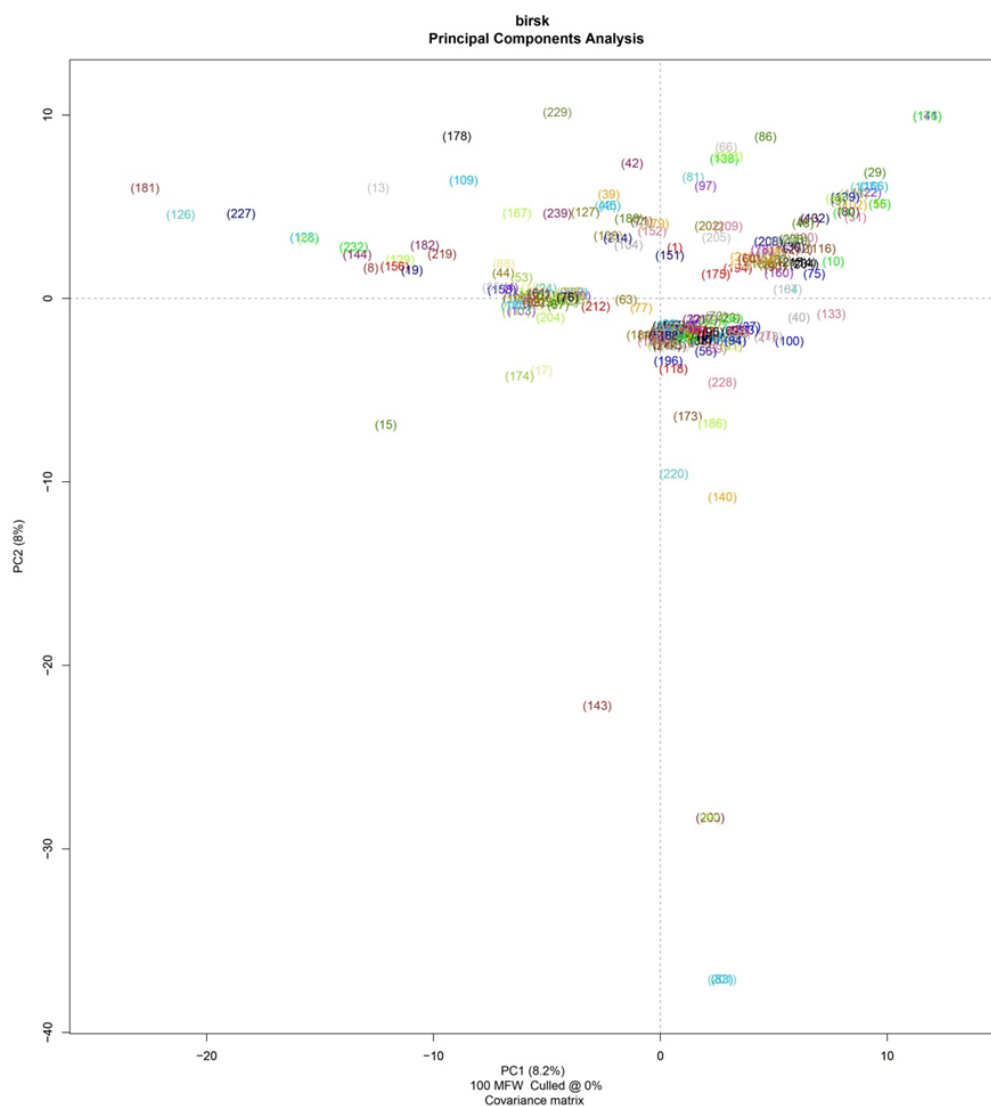

Рисунок 1. Анализ корпуса частушек. Метод главных компонент. Итерация 1.

В верхней части графика сформировалось три явно различимых кластера. Кроме того, некоторые тексты накладываются друг на друга, это означает, что их частотные списки практически совпадают. Нам показалось разумным начать рассматривать структуру текстов, объединенных Stylo в кластеры, именно с этих случаев наложения.

На максимальном удалении от кластеров оказалось 5 частушек с одинаковым зачином и уникальным для рассматриваемого корпуса набором самых частотных слов (см. табл. 1). Ещё в трех парах наложившиеся тексты совпали практически дословно (см. табл. 2).

Стоит отметить, что в нескольких случаях практически одинаковые частушки были разнесены на графике, построенном с помощью метода главных компонент, относительно далеко. Тем не менее, даже имея в виду эти ошибки, можно заметить, что тексты кластеризуются неслучайным образом. Например, тексты 45, 43 и 39 очевидно были сгруппированы на основании повторяющихся сочетаний «такая жизнь» и «не по карману».

45

Заплатить врачу

Не по карману мне,

Знать, останусь я

Без зубов совсем.

43

Я пешком хожу

По тротуарчику,

Жизнь такая мне

Да не по карманчику.

39

Ой, Семёновна,

Буду частушки петь,

Я такую жизнь

Не могу стерпеть. [Бирск 2022]

Таким образом, рассмотрев «периферийные» тексты графика, мы поняли, что с помощью Stylo можно выявить тексты, содержащие не только общие слова или даже выражения, но и, более того, тексты с одинаковыми элементами в их структуре. На второй итерации компьютерного анализа мы решили более детально сфокусироваться на «ядре корпуса», т.е. нескольких плотных кластерах.

143 Всё бы пела, всё бы пела, Кабы голос позволял, Всё бы времечко ревела, Кабы мил не унимал.	83 Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася, Всё бы под низом лежала, Всё бы шевелилася.	201 Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася. Всё бы под низом лежала, Всё бы шевелилася.
84 Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася, Но одно меня сгубило: Молода влюбилася	200 Всё бы пела, всё бы пела Всё бы веселилася. Но одно меня сгубило, Молода влюбилася	

Таблица 1. Частушки [Бирск 2022], наложившиеся в нижней половине графика метода главных компонент.

187 Пела я, напелася, Ревела, наревелася. В ключике умылася, Кого люблю — лишилася.	176 Дробила я дробиночки, Отбила я ботиночки. И стою, люблюся, Во что же я обуюся.	16 Гармонист, гармонист Повалил меня на низ. А я встану, погляжу, Хорошо ли я лежу.
164 Пела я, напелася, Ревела — наревелася. В ключике умылася, Кого люблю — лишилася.	141 Дробила я дробиночки, Разбила я ботиночки, И стою люблюся: Во что же я обуюся?	55 Гармонист, гармонист, Положи меня на низ. А я встану, погляжу, Хорошо ли я лежу.

Таблица 2. Частушки [Бирск 2022], наложившиеся в верхней половине графика метода главных компонент.

Для этого мы удалили периферийные тексты из корпуса и вновь обработали его с помощью Stylo с теми же настройками, это позволило получить читаемый график (рис. 2) и рассмотреть, какие тексты вошли в кластеры. После второй итерации обработки четыре основных кластера сохранились, но расстояние между конкретными текстами незначительно изменилось. Для наших целей этими искажениями можно пренебречь.

	Корпус	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
1	не	я	я	на	не
2	я	в	и	не	я
3	на	а	вей	а	в
4	а	его	ты	вы	и
5	и	закрой	а	ты	а

Таблица 3. Частотность слов в основных кластерах

При анализе текстов и самых частотных слов мы заметили следующие особенности:

1) Наиболее частотные слова — служебные, они остаются «невидимыми» при анализе текста, однако именно благодаря им образуются устойчивые синтаксические конструкции. Например, схожая частотность и позиция слов «я» и «в» в первом кластере выделила конструкцию «я влюбилась в»:

(139)

Мил измену предлагает,
А я рассмеялася —
Голубые ваши глазки,
Я в вас не влюблялася.

(46)

Ой, Семёновна,
Тебе признаюся,
Я влюбилася
В Чубайса. [Бирск 2022]

2) Нельзя сказать, что в каждой частушке кластера, выделенного Stylo, будет встречаться хотя бы одно из пяти самых частотных слов этого кластера, как, например, в этой частушке из третьего кластера:

(238)

Мене милый изменил,
Подруга гонится за ним,
Как учёная собака
За хозяином своим. [Бирск 2022]

Эта особенность расчета многомерного расстояния по формуле между всеми текстами корпуса усложняет интерпретацию кластеризации каждого отдельного текста.

3) Первый и второй кластеры разряжены и близко расположены друг к другу. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в обоих случаях в частотных списках на первом месте стоит слово «я». Большинство частушек из этих кластеров построены как повествования от первого лица:

(214)

Не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила.
Мим окошка шел Алёшка,
Я без памяти была. [Бирск 2022]

Однако похожие частушки-повествования, но без «я», отнесены к четвертому кластеру:

(61)

Мама чаю, мама чаю,
Мама чаю не хочу
Во дворе стоит мальчишка,
Познакомиться хочу. [Бирск 2022]

В обеих частушках есть «не», которое не является частотным для первого и второго кластера, но является ключевым для четвертого. Этот пример хорошо показывает ограничения использования Stylo для анализа частушек.

Таким образом, результаты обработки Stylo являются большим подспорьем при проведении структурной классификации частушек, т.к. позволяют выделить «объективный» принцип для ее построения, основанный на лексико-синтаксических конструкциях. Возможно, для выявления большего количества таких конструкций стоит лемматизировать корпус и исключить служебные части речи. Увеличение N-грамм также может помочь выявить значимые схожие черты текстов.

Литература:

Бирск 2022 — Частушки Бирского района республики Башкортостан (по материалам экспедиции 2022 года). URL: <http://chastushkaactsf.tilda.ws/expo2022> (дата обращения 15.10.2022).

Воробьев 2022 — *Воробьев В. А.* Русский песенный и нарративный фольклор Бирского района Республики Башкортостан // Живая старина. 2022. № 2. С. 48—52.

Мамаев и др. 2018 — *Мамаев Н.К., Марусенко М.А., Пиотровская К.Р., Ронжин А.Л.* Метод Дельты Бёрроуза для определения авторства анонимных и псевдонимных литературных произведений на русском языке // R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics : Proceedings, Saint-Petersburg, 27 ноября 2017 года. Saint-Petersburg: Creative Commons ССО, 2018. pp. 107—119.

Мешкова 2001 — *Мешкова О.В.* О классификации частушек // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. №1. С. 102-109.

Мухортых 2021 — *Мухортых А.М.* Частушка села Безруково Каменского района Пензенской области // Живая старина. 2021. №. 1. С. 57—58.

Орехов 2020 — *Орехов Б.В.* «Илиада» Е.И. Кострова и «Илиада» А.И. Любжина: стилеметрический аспект // Аристей. 2020. Т. XXI. С. 282—296.

Петрова 2009 — *Петрова А.А.* Частушка и садистский стишок: память жанра. Вербальное, виртуальное, визуальное // Антропологический форум. 2009. №11. С. 408-423.

Скоринкин, Бонч-Осмоловская 2016 — *Скоринкин Д.А., Бонч-Осмоловская А.А.* «Особые приметы» в речи художественных персонажей: количественный анализ диалогов в «Войне и мире» Л.Н. Толстого // История: электронный научно-образовательный журнал. 2016. № 7 (51). URL: <https://history.jes.su/s207987840001649-2-1> (дата обращения: 30.08.2022).

Турыгина 2020 — *Турыгина М.И.* Стилеметрический анализ русской художественной прозы первой трети XX века (экспериментальное исследование на материале русского рассказа с использованием пакета Stylo для R): ВКР бакалавра филологии. СПб., 2020. Режим доступа: <https://www.hse.ru/edu/vkr/368169426> (дата обращения: 30.08.2022).

Burrows 2002 — *Burrows J.* (2002). 'Delta' a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Author-ship. Literary and Linguistic Computing. № 17 (3), pp. 267—287.

Eder 2016 — *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* (2016). Stylometry with R: A package for computational textanalysis. The R Journal. № 8 (1), pp. 107—121.

Eder 2017 — *Eder M.* (2016). Short samples in authorship attribution: A new approach. In: Digital Humanities: Conference Abstracts. Montreal: McGill University. 221—224.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

Поэтика бардовской песни (случай Тимура Муцураева)*

В среде джихадистских группировок в последние десятилетия поэзию и песни используют как катализатор для передачи информации. На территории СНГ самым известным автором песен, которые можно отнести к “песням борьбы” [Лурье 2020], является Тимур Муцураев. Его песни слушали как чеченские сепаратисты, так и российские солдаты, они остаются одним из главных культурных феноменов войны в Чеченской республике.

Тимур Муцураев родился в Грозном в 1976 году. В юности занимался карате и в 1991 году стал чемпионом Чечено-Ингушской АССР. В конце 1994 года примкнул к вооруженному сопротивлению; с 1995 по 2001 записал несколько альбомов, быстро распространившихся по Северному Кавказу. После окончания активных боевых действий второй чеченской кампании Муцураев покинул республику. Считается, что после отъезда он жил в Турции и посещал Украину, а в 2008 году вернулся в Чечню. Музыкой Муцураев больше не занимается.

Созданные в классической идиоме русской авторской песни и написанные на литературном русском языке в соответствии с традиционными метрическими и ритмическими правилами, его песни использовались и продолжают использоваться как канал распространения традиционных ценностей, которые джихадистские группы считают центральными элементами своей субкультуры и идеологии.

Благодаря созвучию посылы песен Муцураева и кажущейся исламской традиции, джихадистский нарратив легитимирует свое религиозное послание, создавая иллюзию того, что оно является частью аутентичной религиозной культуры, а не жестокой субкультурой. Основным намерением при эксплуатации культурно аутентичных элементов¹ является преодоление идеологических разногласий и стремление мобилизовать поддержку широкой мусульманской общественности. В контексте поля боя эмоционально заряженный дискурс² дополняет аргументы в защиту джихада. В отличие от объёмных теологических книг и долгих дебатов, идеологические послания, заключенные в стихотворных строчках, более привлекательны и практичны для низовых групп населения — рядовых солдат и мирных жителей Чеченской Республики.

В качестве доказательства укорененности Муцураева в российской и, шире, западной массовой, а не исламской религиозной культуре можно привести тот факт, что среди повлиявших на его творчество коллективов были Nirvana и Metallica, а повлиявшим музыкальным направлением — тяжелый рок. В частности, Муцураев говорил о том, что акустическая

1 Творчество Муцураева одинаково хорошо вписывается как в постсоветскую поп/рок музыку, так и в городскую песенный фольклор.

2 В моем понимании, эмоционально заряженный дискурс — это любое использование культурных текстов и отсылок с целью поднятия боевого духа или мобилизации населения в военное время.

гитара в композиции Metallica “One” из альбома “...And Justice for All” и сподвигла его научиться играть на музыкальном инструменте. Влияние музыки начала 1990-х прослеживается и в поздних песнях Муцураева. Так, песня “Я уйду” из альбома “Иерусалим” явно написана под влиянием “Smells Like Teen Spirit” группы Nirvana. О популярности муцураевских песен в российском пространстве свидетельствует тот факт, что у песни “Если духом ты слаб” более шести миллионов прослушиваний на YouTube³, а в 2006 году российский музыкант DJ Saga, служивший в Чечне, сделал ремиксы на несколько песен Муцураева (“Я уйду” и “Сержень-Юрт”).

Религиозно-политическое движение ваххабитов предполагает, что вера мусульманина зависит от его действий. Под действиями подразумевается не только обязательность выполнения всех исламских ритуалов и обрядов, но и необходимость ведения джихада, который ими трактуется как вооруженное противостояние кяферам (неверным), а также материальная и моральная помощь тем, кто ведет с ними войну, в том числе оправдание их действий в информационном пространстве. В песне «Исламская Умма»⁴, Муцураев по этому признаку выделяет угодных Аллаху мусульман: “настоящим и истинным” мусульманином является только тот, кто ведёт вооруженную борьбу.

В докладе я покажу, как популярная и городская традиции изобретательно используются для достижения новой цели — социального принуждения и создания ощущения религиозной праведности, даже если это противоречит догматам ислама. Говоря об этих песнях, мы имеем дело с достаточно редким случаем, когда тексты, изначально малоизвестные и циркулирующие среди маргинальных вооруженных формирований, входят в “зону культурной видимости”.

В логике концепции символического сопротивления Джеймса Скотта [Scott 1985] поствоенное существование текстов Тимура Муцураева в качестве “оружия слабых” выполняет функцию “скрытого транскрипта”, выражающего недовольство современной российской властью, символического сопротивления молодых мусульман в связи с “неправильной” с позиции традиционного жизненного уклада городской светской культурой.

Литература:

Лурье 2020 — *Лурье М.Л.* Музыка борьбы: песни и социальные противостояния // Фольклор и антропология города. 2020. III (3—4). С. 7—13.

Scott 1985 — *Scott J.C.* (1985). Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press. 389 p.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенный фольклор: тексты, традиция, современность» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).*

3 <https://www.youtube.com/watch?v=e1ch158zWaE>

4 Песня признана экстремистской на территории РФ.

Научное издание

Песенный фольклор:
тексты, традиция, современность

Материалы круглого стола
(Москва, РГГУ, 10 ноября 2022 г.)

Составление, редактирование

С.Ю. Неклюдов,

В.А. Воробьев,

Я.А. Савицкая

Верстка

Д.Е. Давыдова